

З.С. Ненашева

«ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО УЧЕБНИК»: ИЗ ИСТОРИИ КАФЕДРЫ ЮЖНЫХ И ЗАПАДНЫХ СЛАВЯН ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ

Z.S. Nenasheva

“HIS MAJESTY, THE TEXTBOOK”: FROM THE HISTORY OF THE DEPARTMENT OF SOUTHERN AND WESTERN SLAVS IN THE FACULTY OF HISTORY AT THE MOSCOW STATE UNIVERSITY

Аннотация. В статье рассматривается 75-летний путь создания учебников по истории южных и западных славян на историческом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова. Первый из них был задуман в 1947 г., а издан в 1957 г. Он стал итогом плодотворной научной, преподавательской деятельности членов кафедры и привлеченных сотрудников Института славяноведения АН СССР. В теоретическом плане он являлся свидетельством победы марксистско-ленинской концепции в университетском славяноведении. Подготовка второго учебника шла на фоне острейшей дискуссии о замене прежней дисциплины историей стран, строящих социализм. В этой связи в статье впервые введены в научный оборот архивные материалы, освещающие подготовку, ход и решения Научной межвузовской конференции историков-славистов (февраль 1962 г.). Это позволило раскрыть отношение к концепции второго издания, по сути, всего славистического сообщества СССР. Учебник вышел в 1969 г., весь его текст был написан заново. Однако исключительно по политическим мотивам значительная часть тиража, о чем мало известно даже научной общественности, была уничтожена. Следующее учебное пособие в виде курса лекций по истории южных и западных славян было опубликовано лишь через 10 лет — в 1979 г. Силами кафедры 13 тыс. экземпляров этого издания было разослано в 58 университетов страны. Потребовалось еще 20 лет для того, чтобы подготовить новый полноценный учебник. Он увидел свет в двух томах в 1998 г., выдержал два переиздания (2001, 2008 гг.). В нем представлена история славянских народов до середины 1990-х гг. Современная точка

Ненашева Зоя Сергеевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории южных и западных славян исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Nenasheva Zoya Sergeevna, PhD Candidate in History, Associate Professor, Department of History of Southern and Western Slavs, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

+7-495-939-56-50; bonner2@yandex.ru

зрения на прошлое славян с древнейших времен до 2019 г. изложена в только что (сентябрь 2022 г.) вышедшем классическом учебнике в трех томах. Появление именно такого варианта предопределили сама логика развития славянских народов, учебно-методический подход, а также более глубокий взгляд авторов на дисциплину.

Ключевые слова: история южных и западных славян, университетский учебник, Институт славяноведения АН СССР, периодизация истории, конференция историков-славистов 1962 г., политизация исторической науки.

Abstract. This article deals with the 75-year period of writing textbooks on the history of Southern and Western Slavs in the Department of History at Lomonosov Moscow State University. The first textbook was conceived in 1947 and published in 1957. It resulted from the fruitful researching and teaching of the members of the Department and the Institute of Slavonic Studies of the USSR Academy of Sciences. Theoretically, it testified to the victory of the Marxist-Leninist concept in the University Slavic Studies. The preparation of the second textbook took place against the backdrop of a heated debate on the replacement of the former discipline with the history of the countries building socialism. For the first time the article introduces the archival materials relating to the preparation, course and decisions of the interuniversity conference of historians in the area of Slavic Studies (February 1962). This allowed us to reveal the attitude of the entire Slavistic community of the USSR to the concept of the second edition. The completely new textbook came out in 1969. However, a significant part of its print run was destroyed for purely political reasons. This fact is little known even to the scholarly community. Another textbook in the form of a course of lectures on the history of Southern and Western Slavs appeared only ten years later, in 1979. Its 13 000 copies were distributed by the Department to 58 universities of the USSR. 20 more years were necessary to prepare a new textbook. In 1998 it appeared in two volumes and was reprinted in 2001 and 2008. A current view of the Slavic history from antiquity to 2019 is presented in the just published standard textbook in three volumes (September 2022). The emergence of this particular version was predetermined by the very logic of the history of the Slavic peoples, as well as the necessity for application of its authors' educational and methodological approaches and a fresh look at the discipline.

Keywords: history of Southern and Western Slavs, university textbook, Institute of Slavonic Studies of the USSR Academy of Sciences, periodization of history, 1962 conference of historians of Slavic studies, politicization of history.

* * *

Кафедра истории южных и западных славян на историческом факультете Московского университета была структурирована 1 сентября 1939 г., положив начало университетской славистике в нашей стране¹. Уже в 1940 г., несмотря на весьма ограниченный состав кол-

¹ Самый подробный очерк истории кафедры опубликован в сборнике, посвященном ее 80-летию: *Ненашева З.С., Матвеев Г.Ф.* Кафедра истории южных и западных славян // *Историки-слависты МГУ. Кн. 13. Славянских древностей обитель. Кафедре истории южных и западных славян — 80 лет. М., 2020. С. 10–85.*

лектива, была начата разработка марксистской концепции истории зарубежных славянских народов. Крупнейшие ученые, стоявшие у истоков кафедры², считали, что новая учебная литература должна быть пронизана идеями марксизма. Для обеспечения только что открытой специализации учебной литературой требовалось несколько качественных изданий, но главным в этом ряду был учебник.

В разработанном академиком В.И. Пичетой пятилетнем плане научно-исследовательской работы кафедры на 1946–1950 гг. создание учебников было выделено как одно из приоритетных направлений научных исследований. Первоначально предполагалось сосредоточиться на издании пособий по истории отдельных стран. Однако вскоре эта концепция изменилась. В мае 1947 г. В.И. Пичета уведомил коллектив кафедры, что от Комитета по делам высшей школы при Совете Министров СССР поступила рекомендация приступить к работе над «всеобъемлющим» учебником. Стимулирующим фактором для реализации этого проекта стало постановление правительства о строительстве нового здания МГУ на Ленинских горах. В марте 1948 г. было принято практически не реализуемое обязательство — «подготовить в течение двух лет к печати учебник по истории южных и западных славян»³.

Выполнению этой задачи важнейшее значение придавал профессор С.А. Никитин, после смерти В.И. Пичеты взявший на себя руководство кафедрой (1947–1961 гг.). Он считал, что необходимо также участие сотрудников Института славяноведения АН СССР⁴.

Учебник мог стать базой для создания лекционных курсов по истории отдельных стран, подготовки к публикации сборников документов, написания монографических трудов и т.д.⁵ Такое видение этого проекта открывало перед большой группой ученых возможности как для качественного обеспечения учебного процесса, так и для индивидуальных исследований. Однако на практике быстро оформилась и стала превалирующей тенденция полного подчинения научной работы членов кафедры задачам образовательного процесса.

² Отцами-основателями стали: член-корреспондент с 1939 г., академик с 1946 г. В.И. Пичета (1878–1947); иммигрировавший в СССР по политическим причинам профессор Пражского университета Зд. Неядлы (1877–1962), с осени 1939 г. преподававший на кафедре; а также профессор С.А. Никитин (1901–1979), зачисленный в штат в 1942 г.

³ На тот момент в штате кафедры состояли профессор, доцент, старший преподаватель, два преподавателя имели по ½ ставки, семь человек работали на условиях почасовой оплаты (См.: Историки-слависты МГУ. Кн. 13. Славянских древностей обитель ... С. 17).

⁴ С 1947 г. С.А. Никитин заведовал в Институте славяноведения сектором истории зарубежных славянских народов периода феодализма и капитализма.

⁵ Архив МГУ. Ф. 9. Оп. 8. Ед. хр. 159. Л. 25–27.

В 15-летнем плане работы кафедры, обсуждавшемся в январе 1952 г., приоритетной задачей оказалось написание учебника. В противовес этому замыслу И.М. Белявская, оказывавшая особое влияние на кафедральную атмосферу⁶, настаивала на публикации очерков по отдельным странам, чтобы затем интегрировать их в единый учебник⁷.

Несмотря на возражения, все силы коллектива кафедры и части сотрудников Института славяноведения АН СССР были брошены на подготовку учебника. Авторы осознавали сложность стоящих перед ними задач, о чем говорили И.М. Белявская и И.А. Воронков⁸: ведь «буржуазное славяноведение не создало обобщающих работ, рассматривающих процесс исторического развития этих народов с древнейших времен вплоть до современности в их сопоставлении и синхронности»⁹.

Особую интенсивность работа над учебником приобрела в 1953 г., несмотря на то что условия для творчества и педагогической деятельности были далеко не безоблачными. С одной стороны, к этому времени сформировалось ядро кафедры, защитили кандидатские диссертации ее ведущие преподаватели — И.М. Белявская (1950), В.Г. Карасев (1951)¹⁰, И.А. Воронков (1951), которые мечтали завершить свои монографические исследования. С другой — перманентно, с разной степенью интенсивности, на факультете дискутировался вопрос о создании новой структуры — специального отделения по истории стран народной демократии. Его появление означало бы перепрофилирование работы кафедры, чреватое ее закрытием. В этой связи появление учебника по истории южных и западных славян могло бы стать весомым фактором для ее сохранения. И он вышел в свет в 1957 г.¹¹

⁶ См. подробнее о ней: Профессор МГУ И.М. Белявская. Материалы конференции, посвященной 90-летию со дня рождения профессора МГУ И.М. Белявской. М., 2005.

⁷ Архив МГУ. Ф. 9. Оп. 8. Ед. хр. 271. Л. 18.

⁸ См. подробнее о нем: Иван Александрович Воронков — профессор-славист Московского университета. Материалы научных чтений, посвященных 80-летию со дня рождения И.А. Воронкова (1921–1983). М., 2001.

⁹ *Белявская И.М., Воронков И.А.* Советское славяноведение в Московском университете // Вестник Московского университета. Сер. 9. История. 1968. № 1. С. 3–11.

¹⁰ О вкладе В.Г. Карасева в жизнь кафедры см. подробнее: Югославянская история в новое и новейшее время. Материалы научных чтений, посвященных 80-летию со дня рождения профессора В.Г. Карасева (1922–1991). М., 2002.

¹¹ История южных и западных славян / Под ред. И.М. Белявской, С.А. Никитина, И.Н. Частухина. М., 1957. В состав авторского коллектива вошли от кафедры: И.М. Белявская, В.Г. Карасев, С.А. Никитин, Б.М. Руколь, И.Н. Частухин, профессор кафедры славянских языков и славянской литературы филологического факультета В.Т. Дитякин, а также Ю.В. Бромлей, В.Д. Корольюк, М.В. Миско, А.И. Недорезов, С.И. Прасолов, В.И. Фрейдзон из Института славяноведения АН СССР.

Бесспорно, авторским коллективом была проделана колоссальная работа. И официальные рецензенты, и административные структуры, и преподаватели этого предмета в университетах страны оценили ее по достоинству. Учебник рассматривался как важный итог научной, преподавательской деятельности членов кафедры на протяжении 10 лет. В теоретическом плане он являлся свидетельством победы марксистско-ленинской концепции в университетском славяноведении. Это означало, что приверженность принципу партийности науки, классовый подход, т.е. рассмотрение исторического процесса через призму классовой борьбы, формационная теория стали основополагающими в освещении наиболее сложных периодов истории южных и западных славян.

Однако этого «краеугольного камня» в фундаменте безоговорочного сохранения кафедры оказалось недостаточно. Идея замены славяноведения историей стран социалистического содружества («народной демократии») была жива и в начале 1960-х гг. В противостоянии этому замыслу новый заведующий кафедрой И.А. Воронков (1961–1973) использовал свои организаторские способности и административный ресурс. В результате, при поддержке С.А. Никитина (который стал заместителем директора Института славяноведения АН СССР), ему удалось привлечь к этой политизированной проблеме внимание славистических сил всей страны.

Исключительно оперативно была создана Научная межвузовская конференция историков-славистов. Она прошла 6–10 февраля 1962 г. Фактически в ней участвовало всё славистическое сообщество страны: только иногородних преподавателей истории южных и западных славян приехало 36 человек¹².

Основной доклад был сделан С.А. Никитиным¹³. Прежде всего, он озвучил свою оценку издания 1957 г. Она была весьма позитивной. Остановившись на времени его появления, Сергей Алексан-

¹² Архив кафедры истории южных и западных славян. Ф. Х. Научная конференция историков-славистов. 6–10 февраля 1962 г., Москва. В этом фонде всего 6 папок. Особый интерес для нас представляет Папка № 4 — со стенограммой второго дня совещания, посвященного исключительно обсуждению проекта нового учебника. Стенограмма занимает около 100 страниц, последняя обозначена номером 96а. Это второй выправленный, отредактированный и авторизованный всеми выступавшими экземпляр стенограммы. Следует отметить, что порой уточнений так много, что бывает трудно восстановить первоначальный вариант. Оригинальный первый экземпляр машинописи, подготовленный стенографическим бюро, находится в Папке № 5. Кроме того, полезными были Папка № 1 — переписка к совещанию историков-славистов, папка № 2 — со списками регистрации участников на каждый день заседания, № 6 — с их анкетами и другие дела.

¹³ Архив кафедры. Ф. Х. Папка № 4. Стенограмма доклада С.А. Никитина. С. 1–19.

дрович подчеркнул, что учебник восполнил отсутствие на тот момент в советской историографии страноведческих работ по истории «основных славянских стран»¹⁴, в которых создание обобщающих трудов также находилось еще «в начальной стадии». Что касается методологии, определившей содержание учебника, то, по мнению докладчика, «учебник был первым марксистским обзором истории славянских стран, отличающимся принципиальными основами». Из очевидных трудностей, с которыми столкнулись авторы, был назван поиск материалов, поскольку им предстояло впервые освещать многие события современности. В свою очередь, редколлегии пришлось «вести упорную борьбу, чтобы придать курсу более или менее пропорциональные размеры».

С.А. Никитин объяснял выбор верхней хронологической границы — 1945 г. — исключительно объективными обстоятельствами. «Отсечь весь период народной демократии» пришлось в силу его сложности и не изученности. Кроме того, авторский коллектив вынужден был отказаться от освещения истории культуры славянских народов, так как оказался не готов к рассмотрению историко-культурной проблематики «как задачи в высшей степени сложной».

Для кафедры было важно, что, несмотря «на ряд пробелов и несомненные недостатки»¹⁵ учебник «был воспринят положительно» как в славянских странах, так и в совсем «неожиданных для нее» центрах, например в Австрии и Австралии. Из славянских государств Сергей Александрович выделил Югославию, в которой учебник привлек внимание тем, что в нем Македония «упоминалась как особая область со своим историческим прошлым», хотя история ее «в книге была освещена недостаточно».

С.А. Никитин определил и алгоритм дальнейшей дискуссии. Для того чтобы обсуждение носило деловой характер, он выделил две группы проблем. Первая, по его оценке, бесспорная, содержала несколько позиций: учебник должен охватывать историю всех славян, в том числе сербов-лужичан и «македонцев». Не ставил под сомнение он и включение глав по истории культуры, несмотря на недостаток серьезных разработок по этой проблематике и отсутствие такой традиции в отечественных учебниках. Определился он и в отношении хронологических границ. Примечательно, что в стенограмме рукой С.А. Никитина поверх машинописного текста было вписано,

¹⁴ Действительно, на тот момент из академических обобщающих трудов была опубликована только «История Болгарии» (М., 1954).

¹⁵ Речь шла об отсутствии параллелей славянской истории с историей Европы, о неудачной структуре, обусловившей дробление материала, и особенно о недостаточном объеме актуализирующих изложение событий.

что «после XXII съезда партии учебник, не отражающий строительство социализма в странах народной демократии, не имеет права на существование»¹⁶.

Эти новые подходы должны были определять структуру учебника. Кроме того, она должна была соответствовать лекционному курсу, а в нем лишь одна треть лекций отводилась эпохе феодализма. Модернизировать следовало список литературы, дополнив его изданиями на славянских и европейских языках и привязав к конкретным разделам.

Хорошо обдуманной была позиция и по второй группе проблем, требовавших широкого обсуждения. Речь шла о месте историографии в новом издании учебника. Сергей Александрович занял вполне здравую позицию. Подробно остановившись на значении курса славянской историографии как самостоятельной дисциплины, он настаивал на том, чтобы «не вводить в учебник историографических экскурсов». При этом он сослался на то, что в планах исторического факультета МГУ предусматривалось издание специального учебного пособия. Столь же определенно Никитин высказался против включения в учебник источниковедческих сюжетов.

Довольно любопытно читать рассуждения Сергея Александровича по поводу объема нового учебника. Издание 1957 г. было внушительным — 51, 5 печатных листа. В этом контексте он указал и на бытующие во все времена, вплоть до сегодняшнего дня, сетования, что студенты мало читают научную литературу и только по острой необходимости — учебный материал. В значительной степени причину этого он видел в том, что «создалась традиция писать не учебники», а «кирпичи». Он был убежден, что учебник не должен отражать всю сумму знаний по предмету, а содержать тщательно отобранный материал. При таком подходе второе издание должно было стать не расширенным и дополненным вариантом первого, а книгой, «написанной заново»¹⁷.

Вторым докладчиком был доктор филологических наук, профессор Н.И. Кравцов, старший научный сотрудник Института славяноведения АН СССР. Он сделал акцент на важности освещения истории культуры, духовной жизни¹⁸. По его словам, отсутствие такой проблематики в первом издании учебника свидетельствовало о «неверном понимании самого исторического процесса». Ведь именно куль-

¹⁶ Необходимо уточнить, что этот вопрос был спорным. Некоторые сотрудники кафедры предлагали довести изложение до 1950 г., другие считали возможным завершить изложение 1960 г.

¹⁷ Архив кафедры. Ф. X. Папка № 4. С. 15–16.

¹⁸ Там же. Стенограмма выступления Н.И. Кравцова. С. 20.

тура славян заключала в себе гуманистическое начало, в этом состоял их выдающийся вклад в мировой культурный процесс. Разделы по культуре должны были нести основную идеологическую нагрузку, тем самым соответствовать «ориентирам, высказанным в новой Программе КПСС». Признав, что многие сюжеты еще не разработаны, нет единства мнений ученых даже в вопросе периодизации таких масштабных явлений, как Возрождение, Н.И. Кравцов призвал «дать действительно марксистско-ленинское освещение истории славян»¹⁹.

Одним из самых ярких, можно сказать, провокационных, было выступление доцента, декана исторического факультета Воронежского государственного университета А.Е. Москаленко²⁰. Он последовательно, буквально пункт за пунктом откомментировал положения основного доклада, настаивая на включении в новый учебник расширенного раздела по историографии. По его мнению, это помогло бы познакомиться с ней студентам, слушающим общий курс, так как специальное пособие по историографии рассчитывалось на специалистов. А вот обзора источников давать не следовало, поскольку «весь учебник должен быть проникнут источниковедческим материалом» путем включения отрывков из наиболее ярких источников. Только таким образом можно было заставить студента задуматься, что «история изучается, прежде всего, по источникам». При этом необходимо было уменьшить объем учебника до 30–40 печатных листов.

Взгляд А.Е. Москаленко на структуру учебника 1957 г. спровоцировал неформальную дискуссию с многочисленными возгласами с мест, в которую вынужден был включиться и С.А. Никитин, находившийся в президиуме. Первый учебник, по мнению воронежского историка, с методической точки зрения «не выдерживал никакой критики», о чем свидетельствовала и практика. Материал «очень трудно, туго» усваивался студентами²¹. Причина лежала не столько в перегруженности фактами, сколько в отсутствии «заключительных обобщений».

Между тем «голоса из зала» свидетельствуют, что многие преподаватели были против облегчения содержания учебника, против

¹⁹ Там же. С. 24.

²⁰ А.Е. Москаленко выступал от имени своих коллег из Воронежа, поскольку там были заранее обсуждены тезисы доклада С.А. Никитина. Москаленко был также одним из авторов рецензии на учебник 1957 г., опубликованной в журнале «Вопросы истории». Стенограмма его выступления занимает С. 41–46. Она настолько обильно отредактирована автором, что мало соответствует оригинальному варианту.

²¹ В этой связи еще более резко высказался С. М. Стецкевич, считавший что учебник «написан скучно», «навевает у студентов глубокий сон, а он должен быть написан эмоционально и доходчиво» (Архив кафедры. Ф. Х. Папка № 4. С. 88).

того, чтобы авторы «шли по линии наименьшего сопротивления»²². Не были они согласны и с предложением в качестве альтернативы московской кафедре поручить написание нового учебника Львовскому университету. Негодование у участников совещания вызвало утверждение, что «когда закладывается сено в такую кормушку, как издание учебника, конечно, каждый хочет получить свой клочок»²³.

Каждый из 10 последующих ораторов говорил прежде всего о наиболее важных для себя вопросах.

Так, В.А. Якубский (Ленинградский государственный университет) считал, что периодизация может быть только на основе социально-экономических формаций, и тогда межвоенный период выпадал из общей схемы. Датировка эпохи феодализма, по его мнению, могла быть условной. Он предлагал закончить ее для Польши XVIII веком, несмотря на отступление от формационного принципа. Опасения у него вызвало настойчивое стремление С.Н. Никитина учесть историю лужицких сербов (допускал объединение материала о них в один «фонарик» с полабскими славянами) и Македонии.

Владимир Александрович был убежден, что в учебник должна войти только та информация, которую «можно и должно выучить». Особенно интересна в этой связи его ремарка, что включение в список рекомендованной литературы изданий на славянских и западноевропейских языках «хорошее дело по идее, но заведомо не реальное». Он был уверен, что «никто не читал, не читает и читать эти работы не будет, кроме специалистов»²⁴. Максимум, на что следовало согласиться, это дать в аннотированной форме в предисловии информацию об обобщающих изданиях, вышедших в СССР, странах «народной демократии». Не поддержал он и предложение Москаленко включить тематические историографические обзоры. Для того чтобы не увеличивать до бесконечности объем учебника, он предложил отказаться от стремления осветить историю «всех больших и малых славянских народов», а ориентироваться на освещение важнейших проблем в обобщающих главах, предвещающих рассмотрение Новейшей истории, Нового времени и Средневековья.

Нельзя не сказать о позиции представителей других университетов страны. Так А.М. Матвеев²⁵, говоря о ситуации в Ташкентском университете, предъявил в качестве «бесспорной претензии»

²² Там же. С. 45–47

²³ Там же. С. 45.

²⁴ Там же. Стенограмма выступления В.А. Якубского. С. 47–50.

²⁵ Весьма тщательно отредактированная стенограмма речи А.М. Матвеева занимает С. 51–56.

к учебнику 1957 г. «слишком большой объем», что затрудняло его использование. Что касается общей направленности содержания нового учебника, то он «должен быть проникнут духом интернационализма», с одной стороны, и четким осознанием того, что история славян — это часть всеобщей истории, тесно связанная с историей Востока. Оратор настаивал на обязательном рассмотрении взаимного влияния народов, населяющих этот регион, и славян. В этом контексте предлагалось внести уточнения и в концепцию будущего труда. Его было необходимо дополнить новыми сюжетами, поскольку в учебнике 1957 г. «слабое отражение» получили деятельность славян-интернационалистов в революционной жизни Туркестана, славянская эмиграция в Америку, ее причины, превращение России в центр мирового революционного движения. Включение такого рода проблематики в новый учебник могло стать импульсом для ее разработки учеными «на местах».

Весьма показательна оценка учебника 1957 г. представителем Саратовского университета А.И. Озолиным, который считал, что в нем отразились все черты «славянистической молодости». В свою очередь, выход в свет второго издания должен будет свидетельствовать о зрелости отечественной славистики²⁶. По своему содержанию новый учебник должен стать «полюемически заостренным по отношению к ревизионизму, национализму, космополитизму», «ко всем врагам марксизма». «Политически верной» верхней хронологической гранью мог быть только 1961 г., а идеологическим ориентиром — материалы XXII съезда КПСС. Апофеозом этого выступления было утверждение, не вызвавшее, что вполне естественно для тех лет, никаких сомнений у аудитории, что современное поколение славянских народов «будет жить в коммунистическом обществе»²⁷.

Как предвидение критической ситуации, которая возникнет в 1969 г., можно рассматривать выступление А.В. Сергеева, старшего преподавателя исторического факультета Казанского университета. Он призвал авторов будущего учебника «крайне критически» отнестись ко всем сделанным замечаниям. Тем не менее, себе он позволил остановиться на целом ряде вопросов. В своем выступлении он затронул и проблему с освещением истории Македонии, поскольку в Казани работал известный специалист по этому региону А.С. Шофман.

²⁶ Архив кафедры. Ф. Х. Папка № 4. Стенограмма выступления А.И. Озолина. С. 60.

²⁷ Если уточнить позицию Озолина о структуре учебника, то он считал, что нет необходимости включать в него ни главы по историографии, ни «элементы источниковедения». Присутствие таких материалов только нарушило бы «стиль самого учебника».

А.В. Сергеев сделал акцент и на сложностях периодизации исторического процесса, особенно «феодализации средневекового общества», «феодального строя», а также на определении этапов в «развитии общины», городов и др. Любопытно, что он свято верил в появление, причем в ближайшее время, подготовленных сотрудниками кафедры специальных пособий по источниковедению и историографии. Протестовал он против «исключительно большого цифрового материала» в главах по Новой истории, так как они «угнетающе действуют на студентов». Критически выступающий отнесся и к рекомендациям своих коллег, когда речь шла о трактовке роли культуры в историческом прошлом славян, о деятельности славянской эмиграции и др.²⁸

Надо признать, что представители разных университетов в чем-то были едины, а в чем-то их взгляды существенно различались. Анализ материалов показывает, что в ходе обсуждения сформировалась группа преподавателей, считавших, что главная задача университетского образования состоит в том, чтобы ориентировать студентов на самостоятельную работу. С точки зрения сегодняшнего дня, это возможно только тогда, когда студент изучает оригинальную литературу. Однако участники совещания полагали, что в тех условиях особенно ценным и важным являлся содержательный, но при этом компактный учебник.

Доцент исторического факультета Киевского государственного университета А.Ф. Кизченко существенный недостаток учебника 1957 г. видел в том, что он перегружен информацией, в некоторых случаях в нем приводились «цифры с десятками долями процента». Уменьшить объем учебника предлагалось за счет сокращения фактического материала²⁹.

О.Е. Иванова, доцент исторического факультета Ленинградского университета также придерживалась этой точки зрения. Нельзя не упомянуть о ее аргументации. Она настаивала на том, что учебник должен давать минимум знаний студентам, чтобы преподаватели могли «развернуть свое творчество»³⁰. Эту мысль подхватил и ее коллега С.М. Стецкевич. Он полагал, что в противном случае лектор не имеет возможности сказать больше того, что содержится в учебнике. Таким образом, для того чтобы облегчить жизнь преподавателей, объем нового издания следовало «резко сократить»³¹.

²⁸ Архив кафедры. Ф. Х. Папка № 4. Стенограмма выступления А.В. Сергеева. С. 63.

²⁹ Там же. Стенограмма выступления А.Ф. Кизченко. С. 70.

³⁰ Там же. Стенограмма выступления О.Е. Ивановой. С. 71–76.

³¹ Там же. Стенограмма выступления С.М. Стецкевича. С. 806–82.

После эмоциональной речи А.Е. Москаленко участники совещания с особым интересом ждали выступлений представителей Львовского университета³². Однако ни доцент А.С. Бейлис, ни профессор Д.Л. Похилевич, который вел заседание, прямо на нее не отреагировали. Первый озвучил основную претензию рецензентов, которая не была учтена авторами при доработке учебника: им «не удалось преодолеть некоторого отрыва истории славянских народов от всемирной истории». Указал он и на очевидный недостаток в учебнике 1957 г. — отсутствие «синхронной хронологической таблицы». А.С. Бейлис был решительно против сокращения объема нового издания и уподобления студента актеру, которому нужно заучивать свою роль. Проблема же состояла в выборе ярких и убедительных цифр, тщательном «отборе исторических лиц». Более того, он допускал издание учебника в двух томах объемом в 60 печатных листов, чтобы избежать схематизма при освещении новейшей истории и особенно эпохи строительства социализма в славянских странах, «обесценивания» истории южных и западных славян за счет краткости изложения³³.

Эти доводы не поддержал Д.Б. Мельцер, доцент Белорусского государственного университета, напомнив, что в учебном плане было сокращено число часов на изучение истории славян³⁴. Учебник не мог быть больше 40 печатных листов. И при этом верхней хронологической гранью должны были стать 60-е гг. XX в., чтобы «сказать о переходе к строительству коммунизма» в социалистических странах.

В других выступлениях желательный объем учебника варьировался, высказывались иные аргументы. Но большинство присутствующих объединяло убеждение, что учебник служит не для того, чтобы описать в нем все исторические события. Кроме того, следовало учитывать, что в системе университетского образования история славян была лишь частью всеобщей истории. Так, С.М. Стецкевич, исходя «из тактических соображений», полагал, что учебник по славянам не может быть больше учебника по новейшей истории, поскольку роль славянских народов, их значение в истории меньше, чем тех народов, история которых «входит в понятие новейшей истории»³⁵.

³² По поручению Министерства высшего и среднего образования СССР там была подготовлена рецензия на текст учебника перед его сдачей в печать. Кроме того, кафедра написала по просьбе журнала «Вопросы истории» рецензию на вышедшее издание, но она не была опубликована. (Архив кафедры. Ф. X. Папка № 4. Стенограмма выступления А.С. Бейлиса. С. 77–80а).

³³ Там же. С. 80а.

³⁴ Там же. С. 84. Так, на очном отделении на «курс славян» было отведено 72 часа, а на заочном — 20 часов (Архив кафедры. Ф. X. Папка № 4. Стенограмма выступления. С. 83–85).

³⁵ Там же. С. 80б.

Из ряда других обсуждавшихся вопросов хотелось бы выделить дискуссию о структуре учебника. Камнем преткновения в частности оказался межвоенный период. Представитель Харьковского университета С.И. Сидельников, не подвергая сомнению принятый всеми участниками совещания формационный принцип, предложил объединить весь материал «о капитализме», не выделять период 1918–1939 гг., чем вызвал «шум в зале». Несогласные с таким «оппортунизмом» участники заседания начали с мест выкрикивать, что тем самым «стираются грани Великой Октябрьской революции»³⁶.

В целом, дискуссия показала, что претензий к учебнику 1957 г. было значительно больше, чем об этом можно судить по опубликованным на него официальным рецензиям.

Конечно, университетская профессура не ограничивалась обсуждением проекта второго учебника по истории южных и западных славян. В ряде выступлений высказывались самые разные соображения о системе высшего образования в стране в целом. Так, по мнению А.Ф. Кизченко, одной из очевидных проблем была перегрузка студентов. Такая ситуация приучала их «не карабкаться к вершинам науки», а «прыгать по ее верхам», толкала «на путь формализма и верхоглядства»³⁷. Он же выступил против «вывихов в трудовом воспитании», когда «хозяйственники» рассматривали «студенческую массу как строительную колонию». Явно негативные последствия имела «все большая педагогизация учебного процесса» в университетах, наступившая после ликвидации исторических факультетов в педагогических институтах. Не поддержал он и предложение объявить открытый конкурс, чтобы подготовить новый учебник «на местах». Он был уверен, что «пока мы будем воевать за гриф Министерства, пройдет еще одна историческая эпоха. А учебник нужен сегодня». Наоборот, следовало «помочь кафедре МГУ поскорее подготовить новое издание учебника»³⁸.

В таком контексте завершающее конференцию выступление С.А. Никитина приобрело особое значение. Отступив от формальностей, Сергей Александрович начал как большой меломан. В любом «большом собрании», заметил он, должны звучать «разные голоса». Однако и в услышанной им разноголосице «обнаружилась и ведущая группа». Никитин вынужден был признать, что со старым учебником «жить дальше нельзя», хронологически новое издание должно доходить до современности, «ни по политическим, ни по научным

³⁶ Там же. С. 87. Стенограмма выступления С.И. Сидельникова. С. 86–88

³⁷ Там же. С. 67.

³⁸ Там же. С. 70.

соображениям нельзя дальше замалчивать наличие македонского народа или не говорить о существовании лужичан»³⁹.

О его явном разочаровании свидетельствует утверждение, что в ходе обсуждения «менее всего оказался затронутым вопрос», который вызывает «самые большие трудности, — о культуре». Позиция С.А. Никитина была хорошо продуманной, развернутой (в стенограмме его рассуждения по этому поводу занимают две страницы). Перед авторами не следует ставить задачу охарактеризовать историю культуры каждого народа во всей полноте, «отразить в учебнике все виды и формы культуры всех славянских народов во все времена их существования». Он предложил «выдвинуть на первое место то, что представляет широкий общий интерес», и представить только те сферы художественной жизни, которые помогают ответить на вопрос, «каков был вклад славянских народов в культурную историю человечества». Рекомендация некоторых участников дискуссии увеличить число портретов отдельных выдающихся славянских деятелей не нашла у него поддержки, ибо нельзя «превращать учебник в портретную галерею», «в книгу для чтения»⁴⁰.

С.А. Никитин не согласился и с другими аргументами в пользу «расширения учебника», и как «лазейку» в этом направлении расценил прозвучавшее предложение подготовить двухтомник. Также он полагал, что учебник — это не справочное издание. Оба эти варианта не могли «зажечь» студента, а «подрывали бы» успех в его работе, поскольку тот «вовсе не подготовлен к задаче — отобрать основное от второстепенного».

Что касается структуры, то Сергей Александрович признал, что в учебнике 1957 г. «изложение истории отдельных стран дано непропорционально», XIX век «раздут чрезвычайно за счет Польши и Чехословакии». В этом он видел резерв для сокращения, однако сомневался в том, что учебник можно написать «ярче и эмоциональнее».

Весьма подробно С.А. Никитин остановился на вопросе о возможности подготовки учебника в каком-либо другом университете страны. Видимо, он не ожидал такого поворота в дискуссии. Несколько назидательно прозвучали его слова о том, что написание учебника «это тяжелое и ответственное дело» и никому «оно не доставляет удовольствия». Кафедра на четыре года остановила «всю свою исследовательскую работу для того, чтобы дать стране этот учебник». В то

³⁹ Там же. Стенограмма заключительного выступления С.А. Никитина. С. 89–95.

⁴⁰ Выступление С.А. Никитина было насыщено массой конкретных примеров по большинству поднимаемых проблем. В этом случае он уточнил, что «надо говорить о Мицкевиче, о Вазове, но стоит ли говорить о Домановиче и аналогичных авторах? Думаю, что не следует, их удельный вес неизмеримо меньший».

же время Никитин не настаивал на исключительном праве кафедры продолжить этот проект. Весьма дипломатично он заявил, что и сам готов поделиться опытом, чтобы учебник «стал лучше», если в одном из университетов появился бы коллектив для его подготовки⁴¹.

В целом следует признать, что многие участники дискуссии исходили из своего опыта преподавания, примеряли планируемое издание на себя. Ведь в абсолютном большинстве университетов не было специализации по славянам, читался лишь общий курс. Лейтмотивом большинства выступлений было убеждение, что кафедра истории южных и западных славян исторического факультета МГУ занимает исключительное положение в стране, а ее деятельность должна стать, с одной стороны, эталоном в учебном процессе, с другой — «примером партийной выдержки». Действительно, в то время такие оценки как «политически неверно», «идеологический ориентир» и т.п. не были пустым звуком.

И хотя главная задача принятого заключительного обширного документа конференции — Постановления совещания историков-славистов — заключалась в том, чтобы убедить вышестоящие инстанции, что «советское славяноведение является особой наукой, имеющей свой определенный круг проблем и свою специфику», тема учебника нашла в нем свое достойное место. Уже в 1962 г. говорилось о синхронизации общего курса по славянам с курсами по истории Средних веков, Новой и Новейшей истории. Именно наличие учебника делало возможным проблемное построение курса, читавшегося в то время даже в МГУ в течение всего одного семестра на четвертом курсе.

Участники совещания отмечали, что превращение первого учебника, сыгравшего «положительную роль в преподавании и изучении студентами истории славянских народов», в библиографическую редкость, а «также наличие в нем ряда крупных недостатков» (в первую очередь отсутствие послевоенного периода истории славян) обуславливало необходимость срочного выпуска II-го издания⁴².

⁴¹ После этих слов А.Е. Москаленко оставалось только покаяться, заявив, что он «хотел сосрить, а получилось неудачно» (С. 96а).

⁴² Участники совещания также решительно возражали и против предложений о расширении курса истории славян и превращении его в курс истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы или в курс европейских стран народной демократии. Вместе с тем в постановлении отмечалось, что «преподавание курса, в особенности проблем социалистического периода в истории славянских стран, должно вестись в тесной взаимосвязи с историей неславянских стран Европы». См.: Постановление совещания историков-славистов университетов страны (6–10 февраля 1962 г.), созданное Министерством высшего и среднего специального образования СССР и Московским университетом // Архив кафедры истории южных и западных славян. Папка: Материалы координационной комиссии по истории зарубежных славян.

В Постановлении были подведены итоги обсуждения наиболее существенных вопросов. Так, приветствовался выпуск нового, коренным образом переработанного учебника, объем которого не мог превышать 50 печатных листов. Было рекомендовано включить в него главы по истории культуры славянских народов и по истории послевоенного периода, а также материалы по истории Македонии, лужицких сербов, полабских и поморских славян, славянской эмиграции.

Одобрив инициативу кафедры подготовить новый учебник, совещание «рекомендовало и создание других коллективов по его написанию». В этой связи были названы Ленинградский, Львовский, Киевский, Харьковский, Саратовский, Воронежский университеты. Таким образом, президиум конференции, на наш взгляд, хотел предотвратить углубление спора о праве на подготовку учебника.

Создается впечатление, что идея его подготовки оказалась весьма близка коллективу кафедры. Согласно документам, в ноябре 1962 г. речь шла о завершении работы над ним к 1964 г., причем «нового учебника с прибавлением глав по истории народной демократии». Его объем ограничивался 50 печатными листами, что потребовало формирования новой редколлегии и привлечения новых авторов⁴³.

В последнем случае обращает на себя внимание участие представителей Воронежского и Харьковского университетов. Действительно, многие решения прошедшего совещания были учтены. Весь текст учебника был написан заново, история южных и западных славян освещалась с древнейших времен до середины 1960-х гг. Заметный акцент был сделан и на историю культуры славянских народов.

Учебник вышел в 1969 г. Он прошел все стадии цензуры: был отрецензирован специалистами, получил гриф Министерства высшего и среднего образования СССР и, что особенно важно, благословение всемогущего в ту пору Главлита. Всё, что случилось вскоре после его выхода в свет, было воистину «громом среди ясного неба». По решению властей, несмотря на достойное качество учебника, значительная часть его тиража была уничтожена. Эта драма весьма подробно описана в очерке об истории кафедры⁴⁴. В качестве ее причин в нем названы внешние факторы — обострение так называемого македонского вопроса⁴⁵. Но ведь жесткой критике подвергся весь

⁴³ Архив МГУ. Ф. 9. Оп. 8. Ед. хр. 817. Л. 14 об., 115; Ед. хр. 965. Л. 37 об. Главным редактором издания был утвержден С.А. Никитин, редакторами И.М. Белявская и В.Г. Карасев. В связи с уходом С.А. Никитина с кафедры, редколлегия отказалась от поста главного редактора, а в ее состав были введены И.А. Воронков, И.В. Созин.

⁴⁴ См. более подробно: Славянских древностей обитель ... С. 37–42.

⁴⁵ См.: Докладная записка в Отдел науки ЦК КПСС «Об изложении истории Македонии в учебнике “История южных и западных славян”» // Архив кафедры.

текст, по некоторым темам каждое предложение буквально рассматривалось под лупой. Думается, что столь жесткая, неоправданная, по большому счету, мера была определена и общей атмосферой «на идеологическом фронте», порожденной чехословацким кризисом 1968 г. («Пражская весна»), нарастающей напряженностью в Польше, сложной ситуацией во всем социалистическом лагере.

Авторы были наказаны за свое стремление осветить некоторые «белые пятна» в многовековой истории зарубежного славянства. В результате они прошли через несколько кругов научного, вернее псевдонаучного, ада. Позиция специалистов из Института славяноведения и балканистики АН СССР была зафиксирована в записке, поданной ими в директивные органы, и в обширной рецензии⁴⁶. Их критика была особенно категорична, а по сути, настолько неадекватна, насколько губительна. Ведь большинство замечаний носило идеологический, политизированный характер⁴⁷.

В «Стенограмме объединенного заседания Исторического факультета МГУ и Института славяноведения АН СССР» от 30 ноября 1970 г. поражает призыв взять за образец решения национального вопроса в славянских государствах «нашу страну в первые годы установления советской власти», «воспользоваться нашим опытом в последовательной ленинской национальной политике»⁴⁸.

Особенно непримиримую позицию рецензенты, анализировавшие материал учебника, заняли в отношении разделов по новейшей истории. Нет никакой возможности перечислить все «пожелания», высказанные ими. С большим сожалением можно констатировать, что лишь идеологическая составляющая предопределяла ультимативный характер многих претензий. Самого серьезного внимания потребовали замечания Отдела науки и учебных заведений ЦК

Папка «Материалы по научной работе кафедры истории южных и западных славян от 1966 г.». Октябрь 1973 г. С. 1–2. Концепция, представленная в учебнике, оказалась неприемлемой для некоторых болгарских историков, отечественных славистов и контролирующих науку организаций не только у нас в стране, но и за рубежом. В частности, подобную позицию занял ЦК Болгарской коммунистической партии, отстаивавший свои взгляды на становление самостоятельной македонской нации.

⁴⁶ Ее написали Л.Б. Валева, А.Я. Манусевич, С.А. Никитин, П.И. Резонов, Г.Э. Санчук, Г.М. Славин для журнала «Вопросы истории» в рубрику «Историческая наука в СССР». Рецензия была снята из номера буквально в последний момент. Оттиск на 8 страницах хранится на кафедре (Архив кафедры. Папка «Материалы по подготовке учебника «История южных и западных славян»»).

⁴⁷ Например, чего стоит утверждение, что в учебнике «не прослежено с необходимой четкостью и систематичностью влияние В.И. Ленина и партии большевиков на рабочее движение зарубежных славянских наций», а формирование коммунистических партий излагалось «лишь в плане констатации фактов», а также рекомендация шире использовать положения К. Маркса и Ф. Энгельса.

⁴⁸ Архив кафедры. Папка «Материалы по подготовке учебника «История южных и западных славян».

КПСС, в которых была обобщена критика, содержащаяся в соответствующих докладных записках. До сих пор нет ответа на вопрос, какую цель преследовали их авторы, поставив под удар своих коллег из университета.

Следует подчеркнуть, что кафедра с достоинством прошла через испытания. Как высокую правительственную награду можно расценивать разрешение инстанций, контролирующих науку и образование, написать новый учебник. Разумеется, в этом издании сюжеты, связанные с историей македонского народа, многие разделы по новейшей истории, особенно эпохи социализма, можно было излагать исключительно в соответствии с официальной точкой зрения того времени⁴⁹.

Безусловно, такая позиция несла на себе отпечаток эпохи с присущими ей установками, стереотипами. Однако, на наш взгляд, трактовка наиболее сложных периодов прошлого славянских народов излишне старательно определялась эфемерными идеалами, декларированными директивными органами. Вот эта «конъюнктурная близость с сильными мира сего», так называемая политическая актуализация и продуцировала сиюминутность оценок, замалчивание и сокрытие фактов, которые не вписывались в искусственно созданные схемы.

В этом контексте особенно четко видна ложность, поверхность утверждений о консервативности университетского исторического образования. Конечно, у каждого поколения преподавателей в сознании присутствует в той или иной степени внутренняя цензура. Однако в основе их деятельности лежит все-таки высочайшее чувство ответственности перед студентами, профессионализм, да и просто здравый смысл, который не позволяет быть флюгером, менять свои убеждения, «колебаться вместе с линией партии».

Под внешним давлением, идущим с разных сторон, в результате многочисленных согласований формулировок и соответствующих правок новый учебник со скромным уточнением — курс лекций — вышел лишь в 1979 г. Очевидно, что по политическим соображениям с этого издания был снят гриф. Более того, он не распространялся через книжный коллектор, а рассылался по предварительным заказам сотрудниками кафедры⁵⁰. Таким необычным способом были

⁴⁹ См.: *Созин И.В.* Справка об изменениях, внесенных в текст книги «История южных и западных славян», по замечаниям Отдела ЦК КПСС // Архив кафедры. Папка «Материалы по подготовке учебника “История южных и западных славян”». Следует подчеркнуть, что текст по истории Македонии был подготовлен редколлегией.

⁵⁰ К сентябрю 1980 г. кафедра своими силами разослала около 13 тыс. экземпляров курса лекций в 58 университетов страны.

обеспечены учебный процесс в 58 университетах и потребности ряда библиотек огромной страны.

В этой связи заметим, что в очерке, подготовленном к 40-летию кафедры истории южных и западных славян, В.Г. Карасев лишь указал, что в 1969 г. был опубликован новый учебник, а «ровно через 10 лет» вышел курс лекций⁵¹. В свою очередь, в статье, посвященной полувековому юбилею деятельности кафедры, о конце 70-х – первой половине 80-х гг. говорится как о периоде, отмеченном «трудностями и неудачами» в жизни коллектива⁵².

Несмотря на все сложности, несколько «этажей» цензуры, курс лекций был высоко оценен рецензентами. По их признанию, вновь, так же как и в конце 50-х гг., ему была предназначена роль «нового труда обобщающего характера» по истории южных и западных славян, поскольку академические издания по истории Болгарии, Польши, Чехословакии и Югославии, опубликованные в 1950–1960-е гг., устарели. И опять авторы курса, по сути дела, шли по непроторенному пути, «проделали большую и ответственную исследовательскую работу»⁵³.

Подготовка учебников, этого обязательного элемента развития фундаментального исторического образования в стране, оставалась первоочередной задачей всех поколений членов кафедры. В принципе эта мысль не просто витает в воздухе, а является аксиомой для большинства сотрудников. Однако после завершения драмы 1970-х гг., лишь в конце 1987 г. начала обсуждаться перспектива создания нового классического учебника по истории южных и западных славян.

Следует подчеркнуть, что руководство кафедры в этом случае считало необходимым, прежде всего, учитывать запросы других университетов. Так, В.Г. Карасев, который оставался заведующим кафедрой до ноября 1991 г., склонялся к подготовке небольшого по объему издания, которое было бы максимально приближено к проблемному чтению общего курса по истории южных и западных славян на историческом факультете Московского университета. В таком случае можно было ограничиться собственными силами при формировании авторского коллектива, апробировав концепцию на учебных пособиях по отдельным странам. Как видим, идея

⁵¹ Карасев В.Г. Кафедра истории южных и западных славян. Историческая наука в Московском университете. 1934–1984. М., 1984. С. 183–205.

⁵² Карасев В.Г. Полувековой юбилей кафедры истории южных и западных славян МГУ // 50 лет славистики в Московском университете. М., 1989. С. 5–6.

⁵³ См. рецензию на рукопись «курса» доктора исторических наук И.С.Галкина: Архив кафедры. Папка «Материалы по подготовке учебника “История южных и западных славян”».

первоначально публиковать страноведческие курсы и только затем обобщить эти наработки в учебнике оказалась очень живуча. Между тем вопрос, насколько она плодотворна, остается открытым. Конечно, она на первый взгляд больше соответствует потребностям членов кафедры, специфике учебного процесса на историческом факультете МГУ. Однако на практике ее реализация затруднена целым рядом внешних (объективных) и субъективных факторов, прежде всего, подвижностью самого процесса преподавания. Практически ни одно, даже самое великолепное авторское пособие не может заменить живого общения преподавателя и студента. Немаловажно и восприятие профессиональной средой жанра «учебное пособие» как чего-то второстепенного по сравнению с монографией.

С новыми силами и новыми идеями сотрудники кафедры, которая пополнилась к тому времени талантливой молодежью, в середине 1990-х гг. активизировали свои усилия по написанию нового учебника.

Тектонические сдвиги, произошедшие в конце XX в. в судьбах зарубежных славянских народов, потребовали от авторов максимального погружения как в их историческое прошлое, так и в современность. Большинство участников этого проекта⁵⁴ не было среди авторов курса лекций, выпущенного в 1979 г. Перед кафедрой опять встала сложнейшая задача показать уровень своего профессионализма. Она решалась с учетом накопленного опыта старших коллег. В учебнике, вышедшем в 1998 г.⁵⁵, сохранен традиционный страноведческий принцип построения материала. В то же время новые подходы затронули не только новейший период, что естественно, но они просматриваются в изложении истории южных и западных славян с древнейших времен и до конца XIX в. В этом контексте можно твердо заявить, что, пожалуй, никогда авторский коллектив не был так свободен в выражении своего мнения.

Первый том охватывает историю славянских государств до 1914 г. При этом она рассматривается в контексте создания и развития многонациональных государств, в состав которых они входили. Основное внимание уделено становлению современных наций, гражданского общества, общественно-культурным отношениям. Во втором томе на основе национального и регионального принципов освещаются важнейшие проблемы истории южных и западных

⁵⁴ На этот раз со стороны были привлечены только воспитанники кафедры, признанные специалисты Е.Ю. Гуськова и Д.И. Польвянный.

⁵⁵ История южных и западных славян. Т. 1. Средние века и Новое время; Т. 2. Новейшее время / Под ред. Г.Ф. Матвеева, З.С. Ненашевой. М.: Издательство Московского университета, 1998.

славян в Новейшее время, от начала Первой мировой войны до середины 1990-х гг. О том, что учебник получил одобрение университетских коллег, свидетельствуют не только положительные рецензии, но и тот факт, что он вышел вторым изданием в 2001 г., а затем и третьим, в 2008 г.

По прошествии лет появилась, естественно, перспектива создания нового учебника, причем она вновь оживила старые, казалось бы, уже снятые с повестки дня темы. Практически с конца 2010-х гг. то с большей, то с меньшей интенсивностью велась дискуссия о целесообразности учебников в рамках специализации в принципе. Тенденция к ее углублению диктовала иные методы обучения — прежде всего, увеличение самостоятельной работы студентов, а значит овладение ими огромными пластами оригинальной национальной литературы и источников, доступных в глобальной сети. В то же время и сегодня бесспорной остается потребность в обеспечении классической (основной) учебной литературой, а именно таковой и является учебник, общего курса по истории южных и западных славян в рамках такого направления, как регионоведение.

Порой и безудержное реформирование дает побочные положительные результаты. Изменение образовательного стандарта для исторического факультета МГУ позволило реализовать предложение, высказанное еще в 1962 г. Речь идет о синхронизации общего курса истории южных и западных славян с преподаванием других фундаментальных исторических дисциплин, т.е. его чтения на II, III и IV годах обучения очного бакалавриата (на год позднее — у вечерников).

Новый, существенно переработанный учебник, вышел в сентябре 2022 г. Он состоит из трех томов⁵⁶. Однако в основе деления учебника на три части лежит не только сугубо утилитарный подход, но и более глубокий взгляд на дисциплину. Появление именно такого варианта предопределила сама логика исторического развития славянских народов. Политические процессы, проходившие в течение последних тридцати лет в Центральной и Юго-Восточной Европе, лишь подтвердили настоятельную необходимость более подробного, чем в предыдущих изданиях учебника, освещения событий Средневековья и Раннего Нового времени. Необычайно большое значение история тех времен приобрела в становлении и утверждении новых славянских государств, появившихся на карте Европы в конце XX — начале XXI в. Проблема поиска исторических корней имеет для не-

⁵⁶ История южных и западных славян: Учебник. В 3 т. / Под ред. Г.Ф. Матвеева, З.С. Ненашевой, В.Б. Прозорова. 4-е издание, исправленное и дополненное. М.: КДУ, Университетская книга, 2022.

которых их исключительное значение, вызвав ожесточенные дискуссии среди специалистов и политически активной части общества о событиях столь давнего прошлого.

При этом во всех трех томах сохранен страноведческий подход, поскольку авторский коллектив отдавал себе отчет в том, что этот вариант учебника остается классическим, рассчитан не только на студентов исторического факультета МГУ, но и тех университетов, где эта дисциплина включена в образовательный процесс. Что касается определения верхней границы первого тома, то вопрос остается дискуссионным (как и в 1962 г.). На наш взгляд, наиболее приемлемой и понятной датой является конец XVII в., в частности заключение Карловацкого мира (1699). Безусловно, он является важнейшим рубежом в противостоянии османской угрозе не только для балканских народов, но и для всей Центральной Европы. Принимая во внимание геополитическую ситуацию в Европе в Средневековье и Раннее Новое время, учитывая специфику развития южных и западных славян, изложение материала в первом томе структурно строится начиная с Болгарии и заканчивая Польшей. Тем самым освещаются проблемы романского и византийского влияния, а также рассматриваются особенности включения славян в османский, австрийский комплексы земель и история независимого Польского государства.

Второй том посвящен Новому времени в истории южных и западных славян. Его, что вполне естественно, открывает начало XVIII в. Заканчивается он 1914-м годом, когда судьбы славянских народов оказались в зависимости от глобальных перемен в Европе, и в целом мировой политики. Второй том включает две части: первая охватывает всё XVIII столетие; вторая — «долгий XIX век».

Первая мировая война способствовала появлению новых факторов, требовавших решения внутри- и внешнеполитических проблем, которые оставались у славянских народов актуальными на протяжении десятилетий. Они рассматриваются в третьем томе. Он освещает историю Новейшего времени — от начала Первой мировой войны, итоги которой определили вектор развития славян в XX в., вплоть до конца 2018 г. Это время второго и третьего этапов возникновения суверенных славянских государств и упрочения основ их независимого существования. Он включает три части: первая — от 1914 г. до середины 40-х гг. XX в.; вторая — от окончания Второй мировой войны до рубежа 80–90-х гг. XX в.; третья — 1990–2018 гг.

В качестве основы для рассмотрения исторического процесса у славянских народов в Центральной и Юго-Восточной Европе выбрана политическая история. При этом история экономическая, соци-

альная (история общественных групп) и культурная составляют три других доминирующих аспекта в тексте учебника. При его создании были использованы достижения современной отечественной и зарубежной историографии. Авторский коллектив стремился избежать идеологизации и политизации в освещении событий, в том числе тех, что происходили в последние десятилетия.

Каждый том нового учебника оригинален по своей структуре. Такой подход обусловлен не только спецификой исторического развития славянских народов на протяжении более чем двух тысячелетий, но в известной степени и профессиональным уровнем, «метафизикой» каждого из авторов большого коллектива, занимавшегося его подготовкой. В работе над учебником участвовало поколение молодых кафедральных славистов. Кроме того, именно на их долю выпало исправление ошибок, устранение каких-то неточностей, корректировка содержания текстов 2-го и 3-го томов. При этом обязывающим для всех участников процесса было твердое убеждение в необходимости крайне бережного отношения к авторским текстам предыдущих изданий.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что изначально подготовка учебника рассматривалась кафедрой как миссия, первостепенная научно-исследовательская работа всего коллектива сотрудников. Решая эту задачу, авторы только что вышедшего издания — специалисты по истории южных и западных славян — предлагают свое видение изучаемых процессов. По сути, новый учебник — авторский по содержанию, университетский по замыслу — является результатом глубоких наблюдений, размышлений и обобщений каждого из его создателей.

Список литературы

Белявская И.М., Воронков И.А. Советское славяноведение в Московском университете // Вестник Московского университета. 1968. № 1. С. 3–11.

Иван Александрович Воронков — профессор-славист Московского университета. Материалы научных чтений, посвященных 80-летию со дня рождения И.А. Воронкова (1921–1983). М.: Издательство Московского городского объединения архивов, 2001. 271 с.

История южных и западных славян: Учебник. В 3 т. / Под ред. Г.Ф. Матвеева, З.С. Ненашевой, В.Б. Прозорова. 4-е издание, исправленное и дополненное. М.: КДУ, Университетская книга, 2022. Т. 1. 408 с.; Т. 2. 410 с.; Т. 3. 328 с.

Карасев В.Г. Кафедра истории южных и западных славян // Историческая наука в Московском университете. 1934–1984. М.: Издательство Московского университета, 1984. С. 183–204.

Карасев В.Г. Полувековой юбилей кафедры истории южных и западных славян МГУ // 50 лет славистики в Московском университете. М.: Издательство Московского университета, 1989. С. 5–6.

Лаптева Л.П., Ненашева З.С. Славяноведение // Историческая наука в Московском университете. 1755–2004. М.: Издательство Московского университета, 2004. С. 393–459.

Ненашева З.С., Матвеев Г.Ф., Кафедра истории южных и западных славян // Историки-слависты МГУ. Книга 13. Славянских древностей обитель. Кафедре истории южных и западных славян — 80 лет. М.: Издатель Степаненко, 2020. С. 10–85. (Труды исторического факультета МГУ. Вып. 178, серия II: Исторические исследования, 115).

Ненашева З.С., Хайретдинов Х.Х. К пятидесятилетию кафедры истории южных и западных славян исторического факультета МГУ (формирование концепции научной и учебной работы) // Советское славяноведение. 1990. № 3. С. 68–77

Профессор МГУ И.М. Белявская. Материалы конференции, посвященной 90-летию со дня рождения профессора МГУ И.М. Белявской. М.: Издательство Московского университета, 2005. 401 с.

Югославянская история в новое и новейшее время. Материалы научных чтений, посвященных 80-летию со дня рождения профессора В.Г. Карасева (1922–1991) . М.: Издательство Московского городского объединения архивов, 2002.

Поступила в редакцию
19 сентября 2022 г.